

Тело Валерии произвело самопроверку, когда определенные гормоны поступили в ее кровь. В центре ее тела, где они были хорошо защищены, яичники получили сигнал сделать, то что они были предназначены делать. Не найдя физических или химических препятствий, они выбрали по яйцу из своих запасов, пульсировали и посылали яйца к единственному доступному для них выходу. Яйцеклетки начали свой короткий путь вниз по фаллопиевым трубкам матки, где, как они надеялись, встретят много красивых, интересных и крепких сперматозоидов. Если бы яйцеклетки могли говорить, они бы рассказали заинтересованному слушателю, что планируют впускать в свое святилище только самые сильные и красивые сперматозоиды.

Эти яйцеклетки хотели размножаться.

Робби скинул с себя халат. Его мать должна была знать, что у обычного парня не бывает стояка каждый раз, когда он раздевается перед матерью.

Валерия вздохнула, увидев его эрекцию. Она почувствовала, как ее вагина начала реагировать и соски покалывать. Конечно, эта красивая жесткая штука, не была для другого парня. Она подняла кисточку.

«Робби?» она сказала. «Расскажи мне о девушке... о той которая делает тебя... таким возбужденным.»

Робби был умным парнем, но это застало его врасплох. Его ответ был: «А... что?»

«Ну ты знаешь. Как она выглядит? Она высокая? Я знаю, она должна быть великолепная, раз она на тебя так влияет. Ты даже не скажешь мне ее имя?»

Роби начал паниковать. «Ум... я не могу, мама.»

«Что ты имеешь ввиду, не можешь? Почему ты не можешь сказать мне имя твоей девушки?»

«Она не моя девушка.» он выпалил.

«Итак, где-то есть девушка, которая видела тебя голым, и которой ты так увлечен, что думаешь о ней все время и которая действует на тебя так сильно, что когда ты думаешь о ней, то возбуждаешься.» Валерия перестала рисовать и уставилась на своего сына. «Но она не твоя девушка, и ты не скажешь мне ее имя.»

Робби, думая, что он говорит себе под нос, сказал: «Дерьмо, дерьмо, дерьмо»

Валерия услышала его и ее худшие страхи подтвердились. «Ты гей, не так ли Робби.» сказала она ровным бесстрастным голосом.

У Робби отпала челюсть. «ЧТО?» он сказал: «МАМА! О ЧЕМ ТЫ ГОВОРИШЬ?»

Валерия уставилась на него, не потому, что его грудь и лицо вспыхнули красным, а потому, что его эрекция пропала как по волшебству. Только что он был жестким и гордым, а в следующее мгновение он обмяк и устался в землю.

«Мама! Кто тебе сказал, что я гей? Я не гей мама. Почему ты так говоришь?»

Валерия не знала, что думать. Что-то здесь было не так, но она не знача что. «Робби, сладкий, никто не говорил, что ты гей. Ты просто такой скрытный о... ком бы то ни было... кто так сильно на тебя воздействует. Милый, я не хочу совать нос не в свое дело, но ты мой сын, мой

малыш, и я тебя так сильно люблю. Я просто хочу знать, хоть что-то о человеке, который так очевидно тебя возбуждает.»

Робби вздохнул с облегчением. Она не думает, что он на самом деле гей, но потому что он не называл имен, она сбилась с пути. Может быть, ему все-таки удастся спасти положение.

«Ладно, смотри. Это просто странно говорить с мамой почему у меня стояк, ладно? Но это не из-за какого то парня! Понятно!? Ты должна это уяснить с самого начала!»

Валерия чувствовала себя ужасно. «Хорошо, милый. Забыли, ладно? Просто давай забудем, что это случилось. Теперь, встань ровно, как раньше.» Она взяла свою кисточку.

Робби не думал, что он уже сорвался с крючка. «Ладно, я могу рассказать тебе это. Она женщина. Она очень милая и я ее очень люблю. Но она не знает о том, как она на меня влияет. И я не хочу, чтобы она об этом узнала, так как она будет смущена. Как и я. И я думаю, именно поэтому не хотел ничего об этом говорить, потому что это своего рода секрет.»

Робби гордился собой. Он был уверен, что дал достаточно информации убедить ее, что он не гомик, но недостаточно, чтобы она смогла понять, что он говорит о ней.

Робби, однако, не принял во внимание, тот факт, что его мать была очень умна. Он сказал три вещи, которые подняли красные флаги и сирены в ней. Он охарактеризовал свою мистическую любовь как «женщина», не девушка. К тому же он сказал, что любит ее. И наконец, он беспокоился, о стыде если кто-либо узнает, что он любит эту женщину.

Поэтому она знала, что это не простая девушка, так разжигает в ее сыне страсть, что каждый раз, когда она видит его обнаженным, у него возникает эрекция. Ее мысли путались. Каких женщин он знает? Он косил лужайку миссис Дженкинс, но он ни за что на свете не испытывал таких чувств к Мардж Дженкинс. Она даже не думала, что мистер Дженкинс испытывает такое к Мардж.

Она осознала, что он ожидал от нее каких-то комментариев. Она лихорадочно думала, о том, как получить больше информации. «Это должно быть тяжело для тебя. Ты видишь ее каждый день?» Возможно это была одна из его учительниц.

«Да» он сказал. «Но я не против. Правда. У меня даже не должно было быть таких чувств к ней.» Робби говорил больше для себя, чем его маме. И это была ошибка.

Ваелиря вычеркнула учительниц. Все мужчины. У Робби не было ни одной женщины преподавателя в этом году. Она подумала о Меган и сразу же вычеркнула и ее. Робби никогда бы не назвал Меган «женщиной».

Затем, в глубине ее живота, словно маленькое животное, которого проглотили, и оно пыталось вырваться, зародилось подозрение.

Он видел ее каждый день.

Она видела его голым, но он ее не видел голой. Ладно, он видел ее почти голой, когда она пролила вино, но чисто технически, она не была голой. Он любил ее очень сильно. Она знала он любит ее.

Он не хотел, чтобы эта женщина знала о том, что он вожделеет ее, потому что это смутит ее. Конечно же, он думал, что его мама будет в ужасе, если узнает, что он вожделеет ее.

Мальчикам в сегодняшнем мире, просто не позволялось так любить своих матерей. Это она понимала идеально. Его комментарий о том, как он не должен чувствовать себя так, тоже сходилась с этим.

Это возможно? Неужели ее красивый сын, которого она так страстно желала, испытывал к ней те же чувства.

<http://erolate.com/book/1313/37611>